

МОНОГРАФИЯ О ПАРИЖСКОЙ ПРЕССЕ

(Отрывок из «Естественной истории двуруких общественных»)
(фрагменты)

Первый вид — ПУБЛИЦИСТ

Восемь подвидов: А. Журналист. — Б. Государственный
м у ж . _ в. Памфлетист. — Г. Ничеговед. — Д. Публицист с
портфелем. — Е. Автор одной книги. — Ж. Переводчик. —
З. Автор с убеждениями.

Некогда публицистами именовали великих писателей, таких, как Гроций, Пуфендорф, Боден, Монтескье, Блекстон, Бентам, Мабли, Савари, Смит, Руссо*, ныне же так именуют всех писак, которые *делают* политику. Из творца возвышенных обобщений, из пророка, из пастыря идей, каким он был прежде, публицист превратился в человека, занятого сомнительной Современностью. Лишь только на поверхности политического тела выскакивает прыщ, публицист принимается его теревить, расчесывает болячку до крови и пишет по этому поводу книгу, оказывающуюся зачастую сплошным обманом. Публицистика была огромным концентрическим зеркалом: нынешние публицисты распилили его на части и ослепляют толпу каждый своим осколком. Осколки эти таковы:

А. ЖУРНАЛИСТ

Пять разновидностей: 1) Директор — главный редактор — управляющий — владелец газеты. 2) Тенор. 3) Сочинитель основных статей. 4) Прислуга за все. 5) Палатолог.

Первая разновидность. *Директор—главный редактор—управляющий — владелец газеты.* Эта прекрасная разновидность — маркиз де Тюффьер* журналистики. Считающийся публицистом оттого, что ничего не пишет, как другие считаются публицистами оттого, что пишут чересчур много, этот человек, всегда представляющий какую-нибудь одну сторону своей четырехсторонней должности, имеет немало общего с помещиком, лавочником, спекулятором и, поскольку не годится ни на что, оказывается годным на все. Редакторы делают из честолюбивого владельца газеты важную персону, и он желает стать — а иногда и становится — префектом, членом государственного совета, главным сборщиком налогов, директором театра, если, конечно, у него недостает здравого смысла остаться тем, кто он есть, — разносчиком славы, трибуном спекуляции и сводней избирателей. Он пускает статьи в печать или кладет их в долгий ящик. Он может — смотря по обстоятельствам — дать ход книге, делу, человеку, а может погубить. Этот Бертран всех газетных Ратонов* выдает себя за душу издания, и потому всякий кабинет почитает долгом договариваться с ним. Отсюда его значительность. Изю дня в день знаясь с журналистами, он успевает набраться кое-каких идей, делает вид, будто имеет широкий кругозор, и ведет себя, как важная персона. Человек либо сильный, либо ловкий, он, однако же, пляшет под дудку танцовщицы, актрисы или певицы, а порой и своей законной жены, тайной правительницы Газеты.

АКСИОМА. Всеми газетами, точь-в-точь как старинной монархией, управляют кринолины.

<...> Директора — главные редакторы — управляющие — владельцы газеты бывают трех типов: честолюбцы, деловые люди, чистокровные директора.

Честолюбец затевает издание газеты либо ради того, чтобы защищать политическую систему, в победе которой он заинтересован, либо ради того, чтобы стать политиком, которого все боятся. Деловой человек видит в издании газеты способ поместить капиталы и получить проценты влиятельностью, удовольствием, а порой и деньгами. Чистокровный директор управляет

газетой по призванию, он знает цену своей власти и получает удовольствие от эксплуатации чужих умов, впрочем, без ущерба для газеты. Для первых двоих газета — средство, тогда как для третьего, чистокровного директора, она — богатство, дом, радость, власть; двое первых становятся важными персонами, чистокровный директор живет и умирает журналистом.

Директора — главные редакторы — управляющие — владельцы газеты — люди жадные и приверженные традициям. Подобно тем правительствам, на которые они нападают, они боятся новшеств и зачастую гибнут оттого, что скупятся вовремя произвести необходимые затраты, *каких требует прогресс просвещения.*

АКСИОМА. Сколько бы подписчиков ни было у газеты, если число их не увеличивается, значит, газета падает.

Чтобы просуществовать долго, газета должна быть детищем многих талантливых людей, должна *создать школу*. Горе газетам, к услугам которых один-единственный талант!

Чаще всего директор преисполняется зависти к талантливым людям, в которых нуждается, и окружает себя посредственностями, которые льстят ему и недорого берут за свои труды. *Самая лучшая газета в Париже* гибнет быстрее других.

Вторая разновидность. Тенор. Длинные и скучные статьи, с которых должна ежедневно начинаться всякая газета и которые, если верить журналистам, обильно питают умы подписчиков, именуются передовицами. Следовательно, сочинитель передовиц — газетный тенор, ибо он берет — или полагает, что берет — то верхнее «до», без которого газете не собрать подписчиков, как театру не сделать хорошего сбора. Занимаясь этим ремеслом, трудно не начать фальшивить и не стать посредственностью. И вот почему.

Если пренебречь мелкими различиями, можно сказать, что передовицы сочиняются только по двум образцам: бывают передовицы оппозиционные и передовицы министерские. Существует и третий образец, но мы скоро увидим, отчего пользуются им крайне редко. Что бы ни предпринимало правительство, сочинитель оппозиционной передовицы обязан его порицать, бранить, журить, наставлять на путь истинный. Что бы ни предпринимало правительство, сочинитель передовицы министерской обязан его защищать. Первая передовица — сплошное отрицание; вторая — сплошное утверждение; разница лишь в оттенках стиля, характерного для прозы каждой из партий,

ибо внутри каждой партии всегда есть и умеренные, и радикалы. С течением времени на мозгу литераторов той и другой партии образовывается мозоль, они привыкают смотреть на вещи строго определенным образом и обходиться известным количеством готовых фраз.

Человек выдающийся, если ему довелось быть затянутым в этот механизм, находит способ высвободиться; в противном случае он становится посредственностью. Впрочем, есть все основания полагать, что сочинители передовиц принадлежат к числу посредственностей от рождения, писание же статей скучных, бесплодных и выражающих не столько собственные мысли авторов, сколько мнение большинства их подписчиков, делает этих несчастных еще более посредственными. Вы ведь знаете, кто составляет большинство подписчиков?

Все мастерство сочинителей передовиц состоит в том, чтобы стать белым экраном, на котором, словно китайские тени, вырисовывались бы мысли подписчиков. Тенор каждой газеты играет со своими подписчиками в забавную игру. Предположим, в стране или в мире произошло какое-нибудь событие; подписчик, составивший насчет этого события свое мнение, ложится спать с мыслью: «Посмотрим, что скажет завтра по этому поводу *моя газета*». На завтра автор передовицы, условием существования которого является умение угадывать мысли своего подписчика, преподносит ему его собственные мысли в приятной упаковке. Благодарный подписчик, обожающий эту игру («Все цветы мне надоели, кроме розы. — Я! — Что такое? — Влюблена. — В кого? — В газету...»), вознаграждает его, внося каждые три месяца 12 или 15 франков за подписку.

Стилистическое совершенство для этих мастеров топить проишествия в пустословии на потребу публике — вещь совершенно излишняя. Да и кто сумел бы создавать в год шесть сотен колонок, достойных Жан-Жака, Боссюэ и Монтескье, умных, рассудительных, энергических и красочных? Сочинители передовиц, подобно парламентским ораторам, пользуются условленной фразеологией. Называть вещи своими именами они не осмеливаются. Ни оппозиции, ни правительству нет дела до истории. Пресса далеко не так свободна, как, исходя из разговоров о *свободе печати*, полагает публика во Франции и за границей. Есть факты, о которых упоминать невозможно, есть умолчания, необходимые в рассказе о фактах, о которых упомянуть возможно. Иезуиты, которых заклеил Паскаль*, были

куда менее лицемерны, чем современная пресса. К стыду нашей печати, следует признать, что свободна она лишь по отношению к людям слабым и одиноким.

Сочинителей передовиц губит их анонимность: передовицы выходят без подписи. Газетный тенор — это, в сущности, средневековый кондотьер. Известно, что во времена коалиции г-н Тьер нанимал и наставлял теноров целых пяти газет.

Впрочем, сочинители передовиц держатся весьма браво; они полагают, что обращаются к Европе и что Европа их слушает. Однако когда один из этих теноров умирает, выясняется, что имя прославленного писателя, оплакиваемого всеми газетами, никому ничего не говорит.

Гений или, по крайней мере, ум в политике состоит в том, чтобы уметь предсказать событие, рассмотреть его со всех сторон, предугадать его последствия и выгоды для национальной политики; так вот, журналист, который стал бы писать умные передовицы (это и есть третий образец, о котором мы упомянули выше), отпугнул бы от газеты всех подписчиков. Чем сильнее газета будет завидовать лаврам Питта* или Монтескье, тем меньшим успехом она будет пользоваться (см. ниже раздел *Ничеговед*). В этом случае она будет понятна лишь тем, кто способен самостоятельно вникнуть в суть происходящего и, следовательно, не нуждается в газетах. Итак, больше всего подписчиков у такой газеты, которая больше всего похожа на публику; вывод сделайте сами!

Будучи сам по себе особой довольно ничтожной, сочинитель передовиц держится с величайшей надменностью: он преисполнен сознания собственной значительности! Он и в самом деле кое-что значит... для тех крупье, которые зарабатывают немалые суммы на покрытой типографскими значками бумаге. Вообще сочинять передовицы дано не каждому, *газетное иезуитство* — дело тонкое. Фразе четкой и ясной в передовице места нет, зато туманные разглагольствования здесь принимаются на ура. Если ваши мысли будут ковылять на костылях, вас сочтут вполне конституционным, но если вам вздумается идти по прямой, вы прослывете бунтовщиком. <...>

Третья разновидность. *Сочинитель основных статей*. Этот журналист, пишущий статьи на специальные темы, не ограничивается фразеологией передовиц. Он может иметь свое мнение — но не о политике, ибо каждая из его статей должна несколькими фразами напоминать об общей направленности газе-

ты. Пишущий о торговле, о сельском хозяйстве или о трудах сугубо научных, этот публицист сохраняет способность здравого суждения. Поэтому на деле он стоит куда больше, чем тенор. Он редко бывает в редакции, а статьи его публикуются три-четыре раза в месяц. Тенор, обязанный всегда быть в курсе событий, мелькает в Опере, в коридорах палаты депутатов, на обеде у политического патрона газеты (см. ниже); сочинение же основных статей требует от журналиста знания книги, о которой он пишет, и науки, о которой он рассуждает; поэтому такому журналисту платят мало, и роль его в газете можно сравнить с тем, что в театре называют выходными ролями. <...>

Четвертая разновидность. Прислуга за все. Кроме передовицы, этого газетного жаркого, кроме основной статьи, делающейся ныне все большей и большей редкостью, газета состоит из множества мелких статей, публикуемых в рубриках «*Мелкие заметки*», «*Происшествия*» и «*Реклама*». Сочиняет эти статьи жанделетр (ср. жандарм), который трудится под началом управляющего или владельца газеты и получает твердое жалованье, обычно около пятисот франков в месяц. В его обязанности входит читать все парижские и провинциальные газеты и ножницами вырезать из них мелкие заметки о новостях и происшествиях, из которых и состоит любой номер газеты, а также отвергать или принимать рекламные объявления в соответствии с желаниями управляющего или владельца. Человек, названный нами прислужкой за все, отвечает также за верстку газеты, поэтому его распоряжениям подчиняется тот *фельдфебель* типографских рабочих, что именуется *метранпажем*. Прислуга за все — человек, от которого зависит очень многое. Самые интересные сообщения, статьи длинные и короткие — все это верстается между полуночью и часом ночи, в то роковое для газетчиков время, когда политические новости, расцветшие вечерней порой, начинают требовать для себя места между другими статьями. Так появляются в газете мелкие заметки.

Мелкие заметки, как и великие преступления, творятся под покровом ночи. Управляющий газетой, тенор, прислуга за все, порой *друг газеты* (см. ниже), порой — добавляют злые языки — еще и уборщица совместными усилиями сочиняют эти заметки, длина которых редко превосходит десять строк, а зачастую не превышает и двух.

Мелкие заметки оппозиции, рожденные необходимостью опровергнуть другие газеты или напечатать известие о передови-

це, обещанной в завтрашнем номере, всегда посвящены фаворитизму и новым назначениям и обрушиваются на политических противников, как дубина, ибо все оппозиционные газеты руководствуются следующим правилом:

АКСИОМА. Сначала ударим, а разбираться будем потом.

«Происшествия» во всех газетах одни и те же. Выкиньте из газет передовицы, и под разными названиями перед вами предстанет одна и та же газета, Газета в истинном смысле этого слова. Отсюда — необходимость ежедневно делать противоположные выводы из одних и тех же фактов и так или иначе доходить до абсурда — без этого газеты существовать не могут. Именно в разделе «Происшествий» выводятся *утки*.

Уточним происхождение этого газетного термина. Некогда человек, который громким голосом сообщал парижанам об аресте преступника, приговоренного к смертной казни, или о том, как этот преступник взошел на эшафот, или о военной победе, или об ужасном преступлении, продавал за одно су печатный листок, где рассказывалось обо всех этих событиях; этот-то листок на типографском языке и назывался *уткой*. Число глашатаев ныне уменьшается. Расцвет их ремесла пришелся на эпоху Старого порядка, Революции и Империи, теперь же присяжных глашатаев, подлинных мастеров своего дела, можно пересчитать по пальцам. Их промысел погубили газеты, которые нынче читают все, даже кучера фиакров. Так вот, сообщения о происшествиях из ряда вон выходящих, чудовищных, невозможных, но подлинных, возможных, но вымышленных, — тех самых, о которых прежде рассказывали в утках, именуются утками и в газетах, с тем большим основанием, что к их сотворению всегда бывают причастны перья.

Утки чаще всего вылетают из провинции. Существует так называемая *периодическая утка* — глупость, которая повторяется из года в год. (Полотно Рубенса, обнаруженное в крестьянской лачуге. — Военный, прошедший много лет в русском плену в Сибири, и проч.) «Конститусьонель» в эпоху Реставрации сделала из утки оружие политической борьбы. У нее всегда была наготове история про кюре-ретрограда, отказавшегося похоронить вольнодумца, и про кюре-либерала, которому власти чинят бесконечные препятствия. Между тем либеральных кюре *не существует в природе*; они — плод журналистского воображения. <...>

Наполеон платил пенсию человеку, который в течение пяти лет печатал в «Монитёре» ложные сообщения о войне афганцев

с англичанами. Наконец проделка раскрылась, но она была так выгодна для Наполеона, что он простил дерзкого обманщика.

В наши дни большинство уток ввозится из Российской империи. Император Николай так часто становится героем *пафов**, как если бы он был прославленным французом (*паф* — слово, которым несколько лет назад стали заменять слово *утка*).

Прислуга за все — главный человек в газете; по сути дела, прислуга за все — это и есть газета; естественно, что прислуга за все только и делает, что повторяет: «Это зависит не от меня, поговорите с таким-то...»

Вы ложитесь спать, пребывая в уверенности, что ваша статья будет напечатана, однако палатам потребовались две лишние колонки, и статья ваша, и без того уже *сжатая*, возвращается в *долгий ящик*, где ей предстоит покоиться в ожидании лучших времен, которые никогда не наступят. Поскольку вся четвертая полоса занята объявлениями, а четверть оставшегося пространства отведена под фельетон, в газете больше нет места. Одна из важнейших обязанностей прислуги за все — угадать в заметке о происшествии скрытое объявление. Заметка о происшествии нередко превращается в похвалу сделке, книге, предприятию, но в таком случае эти лукавые и коварные строки должны быть тем или иным образом оплачены. Допустим, некто притязает на то же место, что и вы; вы можете помешать сопернику получить искомое место, торжественно возвестив во всех газетах о вашем собственном назначении и таким образом заставив министерство спасовать перед общественным мнением. Особенную власть забирают мелкие заметки и заметки о происшествиях в период выборов. В эту пору целые стаи предвыборных уток летают над Францией. <...>

Пятая разновидность. *Палатолог*. Каждая газета *обрабатывает* заседания палат; этим занимается специальный журналист, который стенографирует произносимые в палатах речи, а затем переделывает их в соответствии с направлением той газеты, в которой служит.

Вот что входит в его обязанности:

Помещать полностью речи тех депутатов, чьи политические взгляды близки его газете, исправляя в них ошибки против французского языка и перемежая фразы ремарками: (*оживление в зале*), (*сильное оживление в зале*), (*величайшее оживление в зале*). Если глава той политической партии, чьи взгляды выражает газета, берет слово, ему гарантировано следующее замечание:

«После этой речи, глубоко потрясшей палату, заседание на некоторое время прерывается, и депутаты обмениваются мнениями об услышанном».

Или (если речь идет о депутате малоизвестном):

«Оратор получает поздравления от коллег».

Оратору, который *потряс палату*, прямая дорога в министры; тот, что *получает поздравления от коллег*, станет либо префектом, либо начальником департамента в министерстве. Первый — великий гражданин, государственный муж; второй — не более чем выдающийся член своей партии.

Напротив, когда дело доходит до речей политических противников, палатолог пересказывает их в нескольких словах или воспроизводит отрывочно, перемежая ремарками в скобках вроде (*ропот*), (*депутаты беседуют между собой*), (*протестующие возгласы*), (*оратора прерывают репликами из зала*), (*шум в зале*). Есть и ремарки другого рода: (*речь развеселила палату*), (*смех в зале*). *Смех в зале* бывает одобрительным — если оппозиция высмеяла правительство, но бывает он и жестоким — если сторонника правительства пытаются согнать с трибуны. <...>

Желая ободрить депутата, палатолог помещает перед его речью щедрый комплимент:

«Министра внутренних дел сменяет на трибуне г-н Гоше де Галифу (*тишина в зале*)».

Депутаты, которых хотят уничтожить, становятся жертвами безжалостных шуток:

«На трибуну поднимается г-н Габийо и произносит речь, которую отделяющее его от нас расстояние — слабость его голосовых связок — тембр его голоса — южный или эльзасский акцент — шум в зале — мешают нам расслышать».

Зачастую речь того или иного депутата вообще не удостоивается упоминания, ее замалчивают, в результате чего провинциальные подписчики никак не могут постигнуть, отчего палата голосует так, а не иначе. Порой оратор предстает под пером газетчиков широкоплечим могучим трибуном, тогда как серьезные люди не могут без улыбки смотреть на этого республиканского или левого Перкинса-Уорбека*, род действующего — а нередко и бездействующего — политического манекена. Люди, совершающие во имя Отечества бесчестные поступки, превращаются под пером газетчиков в рыцарей без страха и упрека. Самые логичные действия правительства предстают лишенными смысла. Краснобай и бездельник, без единой идеи в голове, становится государственным мужем.

Подлинного отчета о заседании не найти нигде, даже в «Монитёре», ибо «Монитёр» не вправе иметь собственное мнение и описывать облик палаты, ибо он принимает от ораторов исправленные варианты их речей и уничтожает своей официальной холодностью те страсти, которые бушевали в зале. Побывать на заседании — все равно что услышать симфонию. Прочсть отчеты о заседании в разных газетах — все равно что услышать по отдельности партию каждого инструмента; пусть вы даже соберете все газеты вместе, цельной симфонии из этого не получится: вам будет недоставать дирижера; кипение страстей, сшибка мнений, облик ораторов — всего этого вы не увидите, даже призвав на помощь воображение. Газета, которая описывала бы заседания палат правдиво, имела бы огромный успех.

Палатологи, служащие в разных газетах, знают друг друга, больше того, не могут не знать, ибо сидят в палате все в одном углу и, несмотря на свою молодость, а может быть, именно благодаря ей, становятся судьями этого ежедневного турнира. «Насьональ» говорит «Газет де Франс»: «Ваш депутат попался». Молодые журналисты шлют ораторам бесчисленные записки с сообщением фактов и цитат. Иной раз целые заседания, целые дискуссии проходят под руководством газетчиков, из уст которых то и дело слышится: «Твердил я ему, твердил (нередко речь идет о министре!), а он вот что несет! Ну спасибо, удружил!» <...>

Б. ЖУРНАЛИСТ — ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЖ

Четыре разновидности: 1) Политик. 2) Друг газеты. 3) Друг всех газет. 4) Политик, сочиняющий брошюры.

Первая разновидность. Политик. Во всякой газете, кроме управляющего, главного редактора, тенора (поставщика передовиц), сочинителя основных статей и палатологов, имеется человек, с которым она связана, который сообщает ей политическую окраску и покровительствует ей тайно или явно; нередко он сам принадлежал в прошлом к одной из перечисленных разновидностей, но добился того, что о нем говорят: «Это политик!»

Политик — это человек, который ворокает делами, который вот-вот начнет ворокать делами, который еще недавно ворокал делами и собирается вновь начать ими ворокать.

Порой этот человек — не что иное, как миф; его вообще нет на свете или он не в силах связать двух слов: назначьте его помощником мэра, он не сумеет распорядиться даже насчет подметания улиц.

АКСИОМА. Чем политик ничтожнее, тем больше он подходит на роль газетного Великого Ламы.

Газета есть газета, а политик — пророк ее. Пророки известны, становятся таковыми не столько благодаря тому, что они говорят, сколько благодаря тому, о чем они молчат. Нет никого более непогрешимого, чем немой пророк.

Нынешняя система играет в кегли с палатой депутатов. <...> Порой Двор сбивает кегли Оппозиции, затем Оппозиция сбивает кегли Двора, а затем их поднимают и ставят на место с помощью новых назначений. Эта игра, в которую Франция играет начиная с 1830 года, называется французской внутренней политикой. <...>

Все эти так называемые политики суть не что иное, как пешки, кони, ладьи и слоны, передвигающиеся по шахматной доске до тех пор, пока кому-нибудь не придет в голову сбросить их на пол.

Политик, покровительствующий газете, пребывает в своем святилище и никогда не показывается в редакции. Управляющие, редакторы, владельцы газеты — все ездят к нему. Между собою политики общаются в палате. Известно, сколькими подписчиками располагает каждый из них: от этой цифры зависит их политический вес. Порою политик снисходит до сочинения передовицы или мелкой заметки. В этом случае газета просит коллегу — либо из числа сторонников министерства, либо из числа журналистов близкого себе направления — приподнять завесу анонимности, дабы подписчики не коснели в неведении.

Тогда мы читаем в газете: «Вчерашняя статья в такой-то газете бесспорно принадлежит перу такого-то. Мы безошибочно различили в ней мысли такого-то. Задумаемся же о том, чего хочет такой-то. Каков смысл его статьи? Какую цель она преследует? Не думает ли г-н такой-то, что положение дел всецело зависит от его усилий?»

Газета немедленно парирует это утверждение, она журит коллегу, напоминая ему о *привилегиях прессы*, и опровергает его слова. Нет, уверяет тенор, политик не писал этой статьи, однако сам тон этих уверенный призван убедить подписчиков, *достаточно проникательных, чтобы распознать затруднительное положение, в каком оказалась их газета*, в обратном. На мой вкус, выдумки мимов и канатных плясунов куда забавнее, а билет в театр «Фюнабюль» стоит всего 65 сантимов. <...>

Вторая разновидность. Друг газеты. У некоторых газет с убеждениями (см. ниже) есть друзья — бескорыстные люди, которые живут (не физически, но морально) той системой, какой

они посвятили свою жизнь, люди, смотрящие на жизнь сквозь зеленые, желтые, красные очки и не снимающие их до самой смерти. О таких людях говорят: «Это друг такой-то газеты». Чаще всего газетчики не обращают на друзей газеты никакого внимания; порой они прислушиваются к их советам, порой дают им какое-нибудь дело. Главное отличительное свойство друзей газеты — *твердость принципов*. Если они дружат с газетами оппозиционными или радикальными, они измышляют коварные интриги против правительства, создают коалиции, обличают произвол властей, бросаются на помощь тем департаментам, в которых выборы могут оказаться под угрозой, постоянно домогают министров, смущая их покой. Им партии обязаны *животрепещущими вопросами и злободневными проблемами* вроде реформы избирательного права, выборов национальной гвардии, петиций в палату и проч. Эти люди — застрельщики, егеря Венсеннского полка; они *твердо стоят на определенных политических позициях* до тех пор, пока, утомившись от долгого стояния на этих позициях, не обнаруживают, что принесли себя в жертву идее, людям или вещам, меж тем как на свете нет ничего более неблагодарного, чем идеи, вещи и партии (партия, собственно говоря, это и есть идея, подкрепленная вещами). Среди друзей газет есть упрямы, которые слывут *людьми с превосходным характером, людьми надежными, людьми, на которых можно положиться*. Отыскав этих друзей, очень скоро убеждаешься, что дружат они в основном с собственной женой и детьми, занимаются коммерцией и *не питают никаких иллюзий относительно будущего своей страны*. <...>

Третья разновидность. Друг всех газет. Этот друг, выражаясь военным языком, не ведет непрерывного огня: он постреливает то в одной газете, то в другой, он прислуживается министрам, помаленьку предает их и почитает себя великим хитрецом; зачастую он выставляет напоказ свои пуританские убеждения, пишет не без таланта, читает курсы в университете и выказывается как на политические, так и на литературные темы. Он продает свои услуги, набивая цену, обедает во всех домах, берется атаковать одного политика и расхвалить другого, беспомощно нападает на противника в одном месте, с тем чтобы одержать над ним блистательную победу в другом. Подобные друзья всех газет, скитающиеся по редакциям, словно собаки, потерявшие хозяина, со временем становятся профессорами фантастических наук, личными секретарями министров, генеральными консулами и даже послами; одним словом, их пристраива-

ют, а они, получив то, чего добивались, уступают свое место на газетном поприще следующим. Впрочем, чтобы добиться успеха, необходимо оказать бесчисленное множество услуг или доказать, что тебя следует всерьез опасаться. Часто этих мародеров прессы предают те самые покровители, кому они служили; впрочем, говорят друзья газет, *мы этого всегда ожидали! Вот как ныне обходятся с отважными бойцами!*

АКСИОМА. Человек, оказавшийся плохим политиком, утешается тем, что был отважным бойцом.

Четвертая разновидность. Политик, сочиняющий брошюры. Некоторые писатели не пишут ничего, кроме брошюр, и отвечают на каждое событие новой брошюрой, как г-н Жовьяль — песней. Брошюр нынче никто не читает, но некогда они создавали политиков. <...> Обычно политик, сочиняющий брошюры, специализируется на каком-либо предмете. Стоит его предмету всплыть, как он немедленно пристраивает сверху кусок пробки — свою брошюру. В результате его начинают принимать за специалиста, частенько он сам сочиняет для газет рецензии на собственные брошюры и постепенно обзаводится положением в обществе; нередко он весьма богат. Особенно щедры на брошюры филантропы. Один газетчик, принадлежащий к числу прислуг за все и не лишенный остроумия, сказал недавно:

— Брошюры — все равно что саранча: летают роем и только в определенное время года.

Брошюры, по его мнению, — род политической сыпи. <...> Газетчики не любят брошюры, но пользуются ими: *в них разрабатываются вопросы*. В периоды абсолютного штиля *вопросы*, случается, и создаются с помощью брошюр. Такие брошюры обретают известность: *они принадлежат перу образцовых граждан, они производят неизгладимое впечатление*; порой они оказываются *неосторожными откровениями человека, выдавшего замыслы правительства*.

У брошюр есть свои мученики. Вы встречаете в свете человека, на первый взгляд спокойного и степенного; он внимательно слушает вас, но стоит вам коснуться его больного места, как, порозовев, он бросается в бой:

— Сударь, — объявляет он, — я посвятил этому предмету брошюру и постарался открыть глаза правительству (или оппозиции), но с таким же успехом я мог бы проповедовать в пустыне; и лишь теперь они осознали опасность, о которой я предупреждал!

Он говорит два часа подряд и, если вы легонько подтолкнете его и с умом расспросите, то обнаружите, что этот человек, который, по его словам, стремился отдать свой долг Отечеству, — не кто иной, как интриган, желавший вернуть этот долг за счет казны, получив выгодное место. <...>

В. ПАМФЛЕТИСТ (без разновидностей)

Кто говорит «памфлет», тот говорит «оппозиция». Сочинять памфлеты в пользу правительства французы пока не научились. Итак, памфлет бывает только двух видов: либо радикальный, либо монархический. Династические газеты, пробавляющиеся тепленькой водичкой, не способны изготовить ту крепкую водку, какой пропитаны памфлеты. Настоящий памфлет — произведение человека талантливого, если не гениального.

К числу памфлетов относятся такие шедевры Вольтера, как «Человек с сорока экю» и «Кандид». Памфлет обязан завоевать популярность. Памфлет — это разум, это критика, мушкетным огнем разящая злоупотребления, политические вопросы или правительство. Памфлетисты рождаются на свет нечасто; вдобавок для того, чтобы прославиться, им необходимы определенные обстоятельства, однако, прославившись, они становятся могущественнее, чем газета. <...>

Г. НИЧЕГОВЕД, именуемый порой **ПОПУЛЯРИЗАТОРОМ**; он же: *homo paraver*¹ (разумеется, без всяких разновидностей).

Французы преисполнены глубочайшего почтения ко всему, что скучно. Поэтому популяризатор быстро завоевывает себе положение в обществе: он навевает скуку и потому слышит *человеком серьезным*. Таких людей множество. Популяризатор разбавляет идею в целой лохани общих мест, а затем покрывает этой жуткой философическо-литературной смесью страницу за страницей. На первый взгляд кажется, что статья полна мыслей, но стоит человеку образованному познакомиться с ней поближе, как он тотчас различает аромат пустого подвала. Статья очень глубокая — но абсолютно полая; ум гаснет в ней, как свеча в склепе без воздуха. Ничеговед — божество нынешней буржуазии; он ей понятен, он опрятен, четок, он не грозит ей никакими неприятностями. Это кран, из которого горячая вода течет и будет течь, журча, безостановочно, до скончания века.

Вот как действует популяризатор.

¹ Человек-мак (лат.)

Наблюдая современное состояние Франции, мыслитель мог бы подвести итог своим наблюдениям в одной-единственной фразе: «Свободы — да; свобода — нет!»

Популяризатор сделает из этой одной фразы три статьи примерно в таком стиле: «Если под свободой понимать существование без законов, то ничто в Природе не свободно, а значит, никто не может быть свободным в Обществе, ибо Общественный Порядок есть не что иное, как производное от Порядка Природного. У Вселенной есть свои законы: всякое животное повинуется законам природы и законам своей собственной породы. Сам Господь, как понимаем его мы, обладает природой, которую мы именуем божественной и законам которой он повинуется».

Следуют шесть страниц о Гегеле, Канте, Вольфе и Шеллинге, кончающиеся так: «Итак, нашему разумению доступны лишь вещи неизменные, иными словами, способ бытия, а когда живое существо претерпевает изменения, то изменения эти являются составною частью порядка вещей или плодом его собственной эволюции, что никак не нарушает наших представлений о неизменности этих вещей. Однако, если под свободой подразумевать обладание волей, правом выбора... но сначала следует объяснить, что такое воля. Сила и богатство философического языка — в исчерпывающих определениях».

Следуют шесть страниц о воле. <...>

Слушая человека гениального, буржуа был бы вынужден размышлять, быть может, принялся бы сам писать книгу; меж тем в ничеговеде он видит равного, он все понимает и восхищается беспрестанно, читая шестьсот страниц ин-октаво, из которых, заметьте, далеко не каждая отличается той же ясностью, что и приведенные выше. <...>

АКСИОМА. Чем меньше у человека идей, тем выше он взлетает.

Таков закон, согласно которому эти философическо-литературные воздушные шары непременно достигают некоторой точки на политическом небосклоне. <...>

Д. ПУБЛИЦИСТ С ПОРТФЕЛЕМ (без разновидностей)

Представители этого подвида проявляют свой публицистический дар в тех речах, что они произносят с трибуны, в тех беседах, что они ведут в салонах, в тех лекциях, что они читают в Сорбонне или в Коллеж де Франс, в тех историях, какие они рассказывают, в тех *взглядах* на политику, какие они исповедуют (им припи-

сывают *взгляды*), и хотя они не могут похвастать ни одной идеей, ни одним предприятием, ни одной системой и движимы исключительно желанием стать министрами, они слынут государственными мужами, а главное — публицистами. Нетрудно догадаться, что эта печальная разновидность, смесь политика и ничеговеда, в высшей степени недолговечна. Курс лекций в Коллеж де Франс, вступительная речь ныне — увь! — уже не ведут к власти. Эта удивительная удача выпадала на долю ораторов в первые годы эпохи Реставрации, когда можно было прослыть политиком благодаря одной речи, одному предисловию, как в XVIII веке можно было стать остроумцем благодаря одному мадригалу, одной трагедии, одной песенке, одной героиде, одному посланию. <...>

Эти люди, *паразиты*, сосущие кровь Франции, способны прожить добрых четверть века за счет общества, суетясь ради того, чтобы суетиться, без всякой пользы кусая и беспокоя Францию, ради собственного тщеславия мешая ее росту, упуская случаи расширить ее пределы и вызывая у Политического Тела нестерпимый зуд, дабы отвлечь его от мыслей о постыдности такой системы, в которой личный интерес заслоняет интерес общий. Посредственность всегда эгоистична. Вот что делает современную систему, для которой посредственность — божество, антинациональной <...>.

Е. АВТОР ОДНОЙ КНИГИ (без разновидностей)

Нашлось пять или шесть умных людей, которые очень скоро постигли сущность той системы, какую собирается создать нам буржуазное правительство. Вместо того чтобы делать ставку на дворянство или религию, они сделали ставку на ум, догадавшись, что, если не на деле, то на словах, именно ум станет главным козырем буржуазии. Поскольку люди дорожат лишь тем, чего не имеют, а буржуа изначально не блещет умом, он не мог не превратиться в страстного поклонника всего умного. Меж тем, если человек написал скучную книгу, никто ее не читает, но все утверждают, что прочли.

Автор такой книги обретает славу умного человека, чьего общества буржуа ищут, ибо хотят, чтобы у них все было *подешевле*: правительство, король, ум и удовольствия. Сочинить книгу разом нравственную, правительственную, философическую, филантропическую, из которой по всякому поводу и даже без повода можно извлечь несколько более или менее звучных страниц, — прекрасное, начало. Этого достаточно, чтобы имя автора произносили исключительно с присовокуплением пространного определения: «Г-н Мар-

фуриус, сочинитель книги «О Германии и германцах». Определение превращается в титул, в наследственное владение. И какое владение! Оно приносит его хозяину множество орденов, присылаемых самыми разными иностранными монархами, оно позволяет рассчитывать на место в каком-нибудь из отделений Института*. Верхом на таком боевом коне можно штурмовать любую крепость: ни одна из них не устоит перед волей общественного мнения. Эти юноши, чрезвычайно умные и воспитанные куда лучше своих современников, опираются на три сотни страниц ин-октаво, как некогда владельцы замков опирались на роту из трех сотен бойцов.

Отдадим же дань нашего восхищения этим ловким фокусникам, единственным, которые, прочтя собственную книгу, знают, чего стоит *золотой зуб*, историей которого они заняли мир, избавив мир от этого занятия. Они получают место в парламенте, пристроившись к какому-нибудь вопросу: торговле сахаром, железным дорогам, каналам, сельскому хозяйству, неграм и белым, промышленности, рассмотренной в ее отношениях с и проч., Европе, рассмотренной с точки зрения ее движения к ..., * и проч.

Ж. ПЕРЕВОДЧИК (исчезнувший подвиг)

Прежде каждая газета имела специального сотрудника, который ведал иностранными новостями, переводил их и *опередовывал*. Так продолжалось до 1830 года. В поднявшейся суматохе переводчик из «Журналь де Деба» вздумал заняться иностранными делами в соответствующем министерстве; в газете ему сказали: «Ступай, сын мой!». И вот из самого обычного г-на Буркене он превратился в барона де Буркене, без пяти минут посла*. С этих пор у парижских газет не стало ни агентов, ни корреспондентов; все они пользуются услугами одного-единственного переводчика, а именно посылают курьеров на улицу Жан-Жака Руссо, к г-ну Ава*, который снабжает всех одними и теми же иностранными новостями, сохраняя право *первой ночи* за теми, кто платит больше других. «Журналь де Деба» тратит на заграничные известия сто экю в месяц. Всякий редактор подает новости под тем соусом, к какому привыкли его подписчики. <...>

3. АВТОР С УБЕЖДЕНИЯМИ

Три разновидности: 1) Пророк. 2) Неверующий. 3) Сеид.

Первая разновидность. Пророк. Париж особенно забавен оттого, что похож на огромный волшебный фонарь, в свете которо-

го взору предстают самые разные картины. Между прочим, у прессы есть собственные Магометы. Всякому Магомету необходим новый бог; однако поскольку посетителям английской таверны или ресторации Кеткомба трудно допустить существование живого Бога, приходится обожествлять мертвецов. Вначале в ранг божества возвели Сен-Симона — так родился сен-симонизм. Эта доктрина ознаменовала свое рождение выпуском бесплатной газеты — великая идея, погубленная ураганным огнем насмешек. Сотрудники «Глоб» и люди столь замечательные, что в большинстве своем начали делать официальную карьеру и добились на этом поприще больших успехов. Несмотря на крушение сен-симонизма, в Париже по-прежнему встречаются пророки: на их примере философ может изучать ту душевную болезнь, которой человечество в прежние времена было обязано великими политическими свершениями, но которая бессильна воздействовать на людей в тот век, когда все ставится под сомнение и когда полубог нередко попадает на скамью подсудимых.

Некто совершает кражу приотягчающих обстоятельствах, некто умирает от голода — из упрямства, ибо в наш век — век дешевых обедов и тщеславных филантропов — в Париже умереть от голода невозможно. Еще меньше это возможно в провинции, где все друг друга знают; но положим, что раздел происшествий какой-нибудь газеты отворил свою вольеру для этой совершенно дикой утки; тотчас же пророк леденит кровь самому себе лихой статьей, оканчивающейся следующим образом:

«И это происходит в то время, когда, будь осуществлена система Нашего Учителя, всякий туземный житель располагал бы *минимумом* продукта, который позволил бы ему существовать, и притом безбедно!» <...>

Если заходит речь о прокладке канала через Панамский перешеек, пророк заявляет, что, по слову его Учителя, европейские фаланги справятся с этим моментально* <...>.

Если где-то происходит убийство, газета пророка немедленно доказывает невозможность убийства в политической системе Учителя, ибо эта система позволяет каждому удовлетворять свои страсти*. Доктрина Учителя — не что иное, как воплощение Вергилиева стиха: *Trahit sua quemque voluptas*¹. Убийца делается мясником и убивает домашнюю птицу, скупец становится кассиром, дети вылизывают тарелки и таким образом содержат в чистоте посуду и проч. <...>

¹ Всякого влечет своя страсть (лат.)

Вторая разновидность. Неверующий. Рядом с пророком, этой благородной жертвой великодушного заблуждения, всегда обретается неверующий, человек бесконечно полезный: это делец при Идее, извлекающий из нее выгоду.

АКСИОМА. Пророк зрит ангелов, неверующий выставляет их на обозрение публики.

Есть чистосердечные неверующие, которые уверены, что *идея пойдет*, что их проповеди сообщают ей почти священную мощь. Булыжник, конечно, твердоват, но если умело сдобрить камни овощами, то их, пожалуй, проглотят. Одним словом, неверующий не отрицает, что кафедра у него непрочная, сделанная из картона; тем не менее на нее можно взойти, с нее можно произносить речи, привлечь слушателей и снискать популярность. Неверующие — люди тонкие, остроумные; прозелитов они вербуют, прибегая к доводам сугубо светским. Если пророк, потерпев поражение, восклицает: «Нами руководила великая идея, мы мечтали о преобразовании общества, нас не поняли!» — то неверующий, сделавшийся докладчиком Государственного Совета, говорит: «Мы собрали умных людей, нужно же было чем-то заняться».

Третья разновидность. Сеид*. Сеид — человек, который всегда молод; он верует, он полон энтузиазма. Он проповедует на бульварах, в фойе театров, в дилижансах. Он вдыхает аромат цветов, произрастающих на Луне. Страсть сеида к Учителю велика и безгранична: он предан ему самоотверженно, безрассудно и готов, вослед Иисусу Христу, пожертвовать собою ради человечества. Этот честный сеид — одно из редкостных чудес нашего времени; отыскать его тем труднее, что его необходимо отличать от сеида, лишь притворяющегося страстным; честный сеид — фигура не только редкая, но и величественная, это, клянусь честью, самое дивное диво во всем Париже.

Второй вид — КРИТИК

Пять подвидов: А. Критик старого закала. — Б. Юный белокурый критик. — В. Великий критик. — Г. Фельетонист. — Д. Сотрудники сатирических листков.

Отличительные черты критиков весьма замечательны, в том смысле, что в каждой критике скрывается бездарный автор. Не в силах ничего создать, критик делается немой стражем сераля; среди этих немых стражей время от времени попадают

Нарсесы и Багоасы*. Как правило, всякому критику в начале его карьеры случается опубликовать книги, свидетельствующие о том, что он умеет писать по-французски, но не способен ни придумать интригу, ни обрисовать характеры, — книги решительно никому не интересные.

В прежние времена для того, чтобы стать критиком, требовались образование, опыт, многолетние ученые занятия; за это ремесло брались только на склоне лет, однако нынче, как сказал Мольер, *мы все это переменили*. Появились критики, которые сделали критиками мгновенно и, понимая правила игры, но, не будучи способны играть сами, принялись поучать других. Юноша двадцати лет от роду судит обо всем вкривь и вкось (см. портрет юного белокурого критика). Посему критика изменила форму. Идеи нынче не в чести, главное — изъясняться определенным образом и побольше браниться. Воплощением нынешней критики следует считать Бертрана, персонажа ужасного фарса под названием «Робер Макэр»*. Когда акционер господин Гого просит Бертрана показать ему счета, тот встает и восклицает: «Прежде всего позволю себе заметить, что господин Гого — каналья!». Сегодня критики начинают с того, чем некогда кончали — увы! — иные эрудиты прошлого. Кажется, брань во все времена казалась самым убедительным из аргументов. Нынче, когда все постепенно обретает материальные формы, критика превращается в некую таможенную для идей, сочинений, книг. Заплатите пошлину, и вас пропустят!.. С глупцами и невеждами критика обходится ласково; она принимается размахивать бичом и трубить в трубу клеветы, надевает маску и вооружается рапирой, только когда видит перед собою произведения истинно замечательные. Ничто человеческое ей не чуждо: она любит себе подобных и потому осыпает похвалами посредственностей. Критики всех разновидностей жаждут прослыть добрыми малыми; они делают зло, но не корысти ради, а исключительно потому, что публика любит каждое утро получить на завтрак трех-четырех авторов, зажаренных на вертеле вперемешку с куропатками и обложенных вместо сала ломтиками издевки. Самой забавной шуткой и проявлением самого отменного вкуса критик почитает следующее: пожимать вам руку, слыть вашим другом и при этом в своих статьях вонзать в вас ядовитые стрелы. Если он похвалит вас в парижской газете, то наверняка зарежет в газете лондонской.

АКСИОМА. Сегодня критика служит только одной цели — пропитанию критика.

А. КРИТИК СТАРОГО ЗАКАЛА

Две разновидности: 1) Профессор. 2) Светский человек.

Этот критик — уходящая натура. <...> Он убежден в том, что обязан относиться к идеям так же, как судья к юридическим казусам; между прочим, добряк совершенно прав! Исполненный аттицизма, он шутит, вместо того чтобы ранить, он никогда не переходит на личности, но любит подчеркнуть собственное лукавство. Предел его мечтаний — Французская академия; он убежден, что, посвятив всю свою жизнь словесности, вправе претендовать на академическое кресло. Прослужив двадцать лет в прокуратуре, он полагает, что заслужил место среди судей. Прежде всего, он порядочный человек. Он счел бы себя опозоренным, если бы, написав статью *против* какого-либо автора, согласился написать другую статью о том же авторе — *за*. Если, из уважения к газете, где он печатается, или к могущественным друзьям, которые ему покровительствуют, он чувствует себя обязанным написать статью о книге, ему не нравящейся, он пишет статью *по поводу*. *За, против и по поводу* — в этих трех формулах и заключается вся его теория. <...> Критики старого закала делятся на две разновидности: первую составляют *профессора*, вторую — *светские люди*.

Первая разновидность. Профессор. Этот не слишком плодовитый критик берет книгу, читает ее, изучает, постигает мысль автора, исследует ее с трех точек зрения — в отношении идеи, исполнения и стиля. Через месяц он садится за свои три статьи и пишет их, обращая внимание прежде всего на само произведение. Он работает над своей критикой, как Буль* работал над своей мебелью. Через три месяца, когда книга, которую он разбирает, уже почти забыта, добрый старый критик приносит в редакцию свой тяжеловесный и основательный труд. Укрывшись на высотах Латинского квартала или в недрах библиотеки, этот старец столько повидал в жизни, что не считает себя обязанным обращать внимание на современность. Одевается он в черное, носит в петлице ленточку Почетного Легиона и играет в домино. Он лишен тщеславия, живет на пенсию, имеет экономку, любит молодежь, предсказывает удачи и всегда ошибается.

Вторая разновидность. Светский человек. Этот шагает в ногу с веком, хотя и удивляется тому, как стремительно идут

дела: вялым чучелом он прогуливается по бульварам, ничего не смысла в новой журналистике, в ее рассуждениях, кишащих ошибками, в ее *ляпсусах*, чересчур частых, чтобы не заподозрить в них проявление полного невежества, в ее незнакомстве с приличиями. Этот ученый муж времен Империи простодушно сознается в том, что он человек *другого времени*, он тешится своими забытыми успехами и знает все анекдоты эпохи Империи. Этот славный малый, наполовину Шлегель, наполовину Фонтан*, был редактором периодических сборников, он состоял в государственной службе, ибо прежде правительство понимало, что литературным трудом прожить невозможно. Наконец, этот старый критик имеет несомненное преимущество по сравнению с предыдущим: он больше ничего не пишет; он прячет свое презрение к современным сочинениям под отменной учтивостью и добродушными фразами: он обвиняет себя в недостатке ума, он до сих пор остается дамским угодником, он ходит в театры, он покупает самые красивые зубы и самые красивые кудри в мире. Он до того любезен и хорошо воспитан, что буржуа принимают его за бывшего префекта эпохи Империи. Он слишком хорошо одет, слишком галантен, слишком привязан к театрам и слишком часто бывает в салонах, чтобы стать живой карикатурой. У него есть старые приятели и старые приятельницы. Он — великолепное воплощение того, что некогда называли *литератором*.

Б. ЮНЫЙ БЕЛОКУРЫЙ КРИТИК

Три разновидности:!) Отрицатель. 2) Шутник. 3) Кадильщик.

Париж, который насмехается надо всем, даже над самим собой, если нет другой поживы, прозвал «юным белокурым критиком» того неопытного юнца, главное оружие которого — фраза «Гого — каналья!» Следовательно, чтобы стать белокурым критиком, необязательно быть белокурым; встречаются среди них и жгучие брюнеты.

Первая разновидность. Отрицатель. Покуда этот критик живет с любовницей где-нибудь в пятом этаже, он обожает рассуждать о нравственности и кричит на всех углах: «Куда мы катимся?». Стоит ему жениться, как он становится поклонником эпохи Регентства* и начинает оправдывать самые чудовищные вещи. Не зная толком родного языка, он ведет себя как величайший пурист*; он отрицает совершенство стиля, если книга написана прекрасным стилем; он отрицает продуманность пла-

на, если у книги есть план; он отрицает все, что есть, и восхваляет то, чего нет: такова его манера. Он ищет сильные стороны автора и, определив их, направляет против них свою обвинительную речь, говоря: «Этого нет». Он отдает книги для прочтения своей любовнице и пересказывает в статьях ее мнение. Что он узнал вчера, то он вам выдаст завтра; итак, он пурист, моралист и отрицатель; вот и вся его программа.

Вторая разновидность. Шутник. Представитель этой превосходной разновидности только и делает, что шутит: то, пересказывая содержание книги, искажает события и путает имена действующих лиц, то выдает посредственность за гения. Шутник любит *делать* актеров, авторов, танцовщиц, певиц, рисовальщиков. Он работает повсюду, он пишет обо всем; ничего не смысла в искусстве, он готов рассуждать об искусстве; он охотно сочинит отчет о промышленной выставке, о заседании Академии, о придворном бале, хотя не был ни на выставке, ни на заседании, ни на балу. Излагая биографию почтенного старца, он скорбит о его безвременной смерти в тридцать шесть лет, а ведя речь о юноше, именуется его столетним стариком. Если кто-нибудь из друзей осмеливается заметить ему, что Рафаэль не писал «Юдифи» из дворца Питти* он отвечает с улыбкой: «Педант!».

У юного белокурого критика есть приятели, которые вечно поют ему осанны и разделяют с ним его беспорядочную жизнь; его постоянно приглашают то на обед, то на ужин, без него не составить ни политическую, ни карточную партию, он празднует карнавал круглый год, со 2 января до дня Святого Сильвестра, поэтому его хватает очень ненадолго. Только вчера он был юн, элегантен, имел репутацию остроумца, недавно выпустил первую книгу — ибо все эти литературные франты, едва покинув школьную скамью, непременно публикуют либо роман, либо сборник стихотворений, — и вот он уже увял, выцвел, глаза его погасли, а ум притупился; он ищет место и — странная вещь! — находит его: он либо становится генеральным консулом в отечестве «Тысячи и одной ночи», либо, устроившись не лучше, но и не хуже, чем лавочник, поселяется в деревне и обзаводится хозяйством. Впрочем, если прибегнуть к журналистскому аргументу, у него *ничего не остается за душой*, кроме бездарности, зависти и отчаяния.

Третья разновидность. Кадильщик. Во всех газетах имеется специалист по восхвалениям, добродушный малый, напрочь ли-

шенный желчи и превращающий критику в сладенький сироп. Фразы у него гладкие и без малейшей примеси остроты. Его наняли, чтобы хвалить, и он хвалит с множеством ужимок, столь же противных, сколь и изощренных; у него есть рецепты на все случаи жизни, с грацией парикмахерского ученика он толчет розу в ступе в трех колонках подряд; в каждой его строке видна невинность мальчика из церковного хора, размахивающего кадилом. Статьи его безвкусны, но приятны тем, кому он их посвящает. Всякий главный редактор счастлив иметь под рукой подобного сотрудника. Если кого-нибудь нужно расхвалить без меры, его поручают заботам кадилицы. К несчастью, с течением времени подписчики научаются распознавать его пресные разглагольствования заранее и не читают их. Поэтому многие авторы, которым грозит рецензия кадилицы, скорее соглашаются погибнуть от удара кинжала, чем, подобно Кларенсу, утонуть в бочке мальвазии*.

Кадилицы, каноник от критики, всем по душе, его всюду принимают с распростертыми объятиями, он всеми любим, добр, за всю свою жизнь он почти никому не сделал зла, и ему, казалось бы, не в чем себя упрекнуть, однако порой и он отваживается на бунт, а потом себя в этом упрекает; жизнь его — сплошной праздник: кругом столько тщеславных авторов, алчущих похвал! Он — свой человек в редакциях множества газет, печатающих его статейки, и следственно, любимец старух из разряда синих чулок. Говорить о ближнем только хорошее, пожалуй, труднее, чем говорить о нем только плохое. У кадилицы, которого иные добряки именуют кретином, также есть на совести либо роман, либо стихотворный сборник; подчас ему удастся сочинить *крепко сбитую* новеллу, которую перепечатают кипсеки* или новогодние альманахи. Его имя входит в тот легион знаменитых имен, какими злоупотребляет всякий спекулятор, записывающий их в число сотрудников газет, о существовании которых сами знаменитости даже не подозревают. Благодаря этому кадилицы слышат крупным литератором и в родной провинции легко сходит за человека великого. <...>

В. ВЕЛИКИЙ КРИТИК

Две разновидности: 1) Запленных дел мастер. 2) Эвфуист.

Первая разновидность. Запленных дел мастер. Имя этому критику — скука. Этот парень скукает сам и пытается нагнать такую же скуку на своих читателей. В основании всех его поступков лежит зависть, причем и зависти, и скуке он сообщает

размеры поистине грандиозные. Во-первых, не в пример представителям прочих разновидностей, он кое-что знает, кое-что изучал и умеет писать на родном языке грамотно, то есть без вдохновения и без образов, но чисто. Стиль его холоден и тверд, как лезвие ножа. Он — грамматист, он читает сочинения, о которых пишет; несмотря на зависть, он добросовестен, — по всем этим причинам враги талантов именуют его великим критиком. Он надменен и презрителен, он не отказывается от своих суждений и выносит приговоры, которые обжалованию не подлежат. В отличие от юного белокурого критика или от кадилицы, ему не все равно, о чем писать, какую книгу оценивать; он выбирает своих жертв и убежден, что оказывает выбранной книге большую честь, а потому имеет право подвергать ее обычному допросу и допросу с пристрастием — ведь он дорожит своей беспощадностью.

Для своих современников он — литературный *палач*. Особенно любит он отдавать справедливость покойникам, он восхваляет их, разгадывая их намерения и обнаруживая в их творениях массу идей, отсутствующих у авторов современных. <...>

Этот критик велик, ибо никому не удастся быть разом и сухим и холодным. Мне лично куда предпочтительнее кажется доброе старое время, когда критики прибегали к помощи эпиграмм и говорили автору коротко и ясно:

Отдай свой труд в печать, а мы о нем забудем.

Запомнить это легче, а читать забавнее, чем страстные приговоры сухого и холодного великого критика.

Вторая разновидность. Эвфуист*. Этот великий критик туманен и вял. Он изъясняется фразами наподобие тех, какие сочиняли остроумцы, блиставшие при дворе королевы Елизаветы. Отсюда и его прозвание. <...> Пожалуй, начитавшись его прозы, начинаешь любить прозу заплочных дел мастера. Лучше погибнуть от турецкого ятагана, чем задохнуться между двух ватных матрасов.

Г. ФЕЛЬЕТОНИСТ* (без разновидностей)

Вот счастливейший из всех бумагомарателей: подобно шелковичному червю, он живет на листах и, как это насекомое наматывает на себя нить, так фельетонист наматывает на ус все происходящее. Что бы фельетонисты ни говорили, они живут в свое удовольствие; они царят в театрах, их холят и лелеют!

Однако они только и делают, что жалуются на увеличение числа спектаклей, которые они созерцают из удобных лож, в обществе своих любовниц. Странная вещь! Самые серьезные книги, самые отточенные произведения искусства, стоившие их творцам бессонных ночей, месяцев работы, не устаиваются ни малейшего внимания со стороны газетчиков, тогда как сквернейший водевиль сквернейшего из театров, набившие оскомину шутки присяжных авторов «Варьете», рожденные в ходе нескольких завтраков, — одним словом, те пьесы, которые нынешние авторы фабрикуют, словно чулки или ситец, подвергаются исчерпывающему и регулярному анализу. На сей предмет в каждой газете имеется особый сотрудник, летописец непристойностей комедиантки Дежазе, историк тех семи положений, из которых ежедневно складывается на сцене любого театра наблюдаемый в лорнетку драматический калейдоскоп. Этот сотрудник, газетный Панург, подобно султанам, горюет от избытка наслаждений; он пресытился амброзией, он сгибается под тяжестью полутора тысяч действий в год, которые рассекает его скальпель и смакует его перо. Повар, чтобы вернуть себе свежесть ощущений, время от времени пьет седлецкую соль* — фельетонист с этой целью отправляется в театр «Фюнамбуль». <...>

Фельетон родился в Париже и может существовать только там. Ни в одном другом месте не шутят так искрометно, не насмеются так разнообразно, не растрачивают сокровищ ума так безрассудно, не уподобляют свою жизнь ракете, сгорающей в облаках, не посвящают свое существование еженедельному параду, который обречен на мгновенное забвение, но должен, однако ж, обладать непреложностью альманаха, легкостью кружева и каждый понедельник украшать платье газеты своей оборкой. Нынче во Франции нет вещи, которая не могла бы стать предметом фельетона. Наука и мода, артезианские колодцы и модный гипюр — все имеет газетную трибуну. <...> Эта живость умственного продукта превращает ныне Париж в одну из самых блистательных и любопытных забавниц, какие только существуют среди столиц. Париж — нескончаемая греза. Он поглощает людей, идеи, системы, шутки, произведения искусства, правительства с такой жадностью, какой позавидовала бы бочка Данаид. <...>

Заключение

Таков наличный состав ПРЕССЫ — этим словом принято обозначать все периодические издания, которые посвящены полити-

ке и литературе и в которых производится суд над всеми, кто ведет за собою людей, — над теми, кто правит, и над теми, кто пишет. Вы видели сцепления механизма, видеть же его в действии могут лишь жители Лондона и Парижа; вне Парижа можно ощутить плоды этого действия, но нельзя понять, каковы его источники. Париж подобен солнцу, он освещает, согревает, но на расстоянии. Удалившись от столицы на тридцать два километра, самый ловкий дипломат может лишь строить предположения о природе наблюдаемого им свечения. Возможно, и солнце, подобно прессе, не что иное, как огромная шумовка!

Лондонская пресса не оказывает на мир такого же влияния, как парижская: она, пожалуй, является исключительной принадлежностью самой Англии, которая распространяет свой эгоизм на все без исключения. Этот эгоизм следует именовать патриотизмом, ибо патриотизм есть не что иное, как местный эгоизм. Поэтому нужно заметить, что между английскими и французскими журналистами существует огромная разница. Англичанин — сначала англичанин, а уж потом журналист. Француз — сначала журналист, а уж потом француз. Поэтому английские газеты никогда не станут славы ради выдавать секреты своего правительства, тогда как французская газета ради того, чтобы привлечь подписчиков, раскроет любые политические тайны.

АКСИОМА. Для журналиста все, что правдоподобно, — правдиво.

Идет своего рода соревнование — кто первым разгласит планы кабинета. Абд-эль-Кадер* простодушно сказал: «У меня нет шпионов лучше, чем французские газеты». <...>

Поставленный перед выбором: лишиться власти или разрешить свободу прессы, Наполеон не колебался ни минуты.

Конечно, было бы легче изобразить вам людей из мира прессы и их нравы, представить их в момент исполнения пресловутой священной миссии; однако *вещи* показали нам куда любопытнее людей. Сегодня эта хроническая болезнь Франции затронула все кругом. Она подчинила своим законам правосудие, она поразила ужасом законодателя, который, возможно, видит в гласности самое мучительное наказание из всех, какие предусмотрены уголовным кодексом. Она подмяла под себя королевскую власть, частную промышленность, семью, интересы людей; наконец, она превратила всю Францию в маленький городок, для жителей которого мысль о том, *что скажут люди*, куда важнее, чем судьбы Отечества. <...>

Быть может, подписчиков понять еще труднее, чем газеты и газетчиков. Видя, как их газеты меняют объекты ненависти, ис-

полняются доброжелательства к политикам, которых еще недавно каждый день изничтожали, хвалят сегодня то, что хулили вчера, объединяются с теми из своих собратий, против которых воевали накануне или в прошлом году, отстаивают абсурдные идеи, подписчики продолжают их читать и подписываться на них с мужественным самоотвержением, которое показалось бы непостижимым, если бы речь шла об отношениях между двумя людьми.

Пресса, как женщина, восхитительна и великолепна, когда лжет, она не оставит вас в покое до тех пор, пока не заставит поверить в свою ложь, и выказывает самые замечательные свои способности в этой борьбе, из которой публика, ничуть не более умная, чем обманутый супруг, неизменно выходит побежденной.

АКСИОМА. Если бы прессы не существовало, стоило бы ее не выдумывать*.

Перевод В. Милъчиной

Печатается по: Знамя. — 1997. — № 5. — С. 145—169.